

Р. Н. Орешко

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ЛУВИЙСКАЯ НАДПИСЬ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШЕ ИЗ МУЗЕЯ АНКАРЫ: ОПЫТ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы интерпретации короткого текста на чаше, изданного и прокомментированного Джоном Дэвидом Хоукинсом в 1997 г. Согласно исторической интерпретации надписи, предложенной в первоначальной публикации, в тексте упоминается поход хеттского царя Тудхалии на Трою. Как это уже отмечалось многими исследователями, такая интерпретация, базирующаяся на идентификации в тексте нескольких элементов, якобы указывающих на непосредственную связь с Хеттским царством и Троей (HATTI.REGIO.VIR₂, MONS[+tu] LABARNA, tara/i-wa/i-za/i(REGIO)), содержит множество внутренних противоречий. Однако, как выясняется, идентификация каждого из этих элементов довольно ненадежна. Тщательный эпиграфический анализ текста (отчасти уже предпринятый другими исследователями) позволяет предложить альтернативные чтения и интерпретации соответствующих элементов, значительно лучше согласующихся как с предполагаемой датировкой надписи, так и друг с другом. Эпиграфическая и филологическая реинтерпретация текста дает, в свою очередь, возможность предложить последовательное и непротиворечивое описание исторического контекста возникновения надписи.

Ключевые слова: лувийский язык, лувийское иероглифическое письмо (лувийская иероглифика), Хеттское царство, Тудхалия, Троя, Киликия, Адана, Ливан, хурритский, сиро-хурритский.

Надпись, о которой пойдет речь, впервые попала в поле зрения научной общественности в 1992 г., когда серебряная чаша с этой надписью была опубликована в каталоге собрания металлических сосудов музея Анкары¹. Несколько лет спустя британский ученый Дж. Хоукинс посвятил надписи специальную статью, опубликовав ее в одном из турецких журналов². Однако лишь повторная публикация этой статьи (с незначительными дополнениями) в более доступном научному сообществу журнале³ привлекла внимание действительно широкого круга ученых к исторической проблематике этого короткого текста и положила начало ее интенсивному обсуждению⁴. Таким вниманием, которым вряд

Орешко Ростислав Николаевич – аспирант Свободного университета, Берлин (Freie Universität Berlin).

¹ Toker 1992.

² Hawkins 1997.

³ Hawkins 2005.

⁴ Mora 2007; Simon 2009; Durnford 2010; Giusfredi (в печати). Ср. также более краткие обсуждения в: Carruba 2008, 143 ff. и Yakubovich 2008, 14 ff.

ли может похвастать какой-нибудь другой, даже значительно более пространный лувийский текст, надпись обязана прежде всего интригующей, но вместе с тем весьма неоднозначной исторической интерпретации, предложенной Дж. Хоукинсом.

Согласно этой интерпретации, текст надписи содержит упоминание о покорении хеттским царем Тудхалией I/II (начало XIV в. до н.э.) города Тарвица (Tarwiza), который, как утверждает Дж. Хоукинс, может быть отождествлен с упоминаемым в клинописных текстах городом Т(а)руисой (Taruiša), название которого, согласно *opinio communis*, представляет собой хеттскую передачу названия города, известного в греческих источниках как Троя (Τροία и т.п.). Следуя интерпретации Дж. Хоукинса, надпись оказывается совершенно уникальной со всех точек зрения. Она становится первым упоминанием в корпусе лувийских текстов города, который и в гораздо более многочисленных клинописных хеттских текстах упоминается всего несколько раз. В этом, в принципе, нет ничего невозможного, однако учитывая то, что памятники лувийского письма сосредоточены преимущественно в Центральной и особенно Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, «открытие» Трои, лежащей далеко на западе Анатолии, в одном из иероглифических текстов предстает совершенно неожиданным, производя такое же впечатление, как, к примеру, в случае обнаружения греческой надписи с упоминанием испанского Кадиса где-нибудь в Милете. Более того, появление Трои в надписи оказывается синхронным событием – это вытекает из очевидного посвятельного характера надписи. Если бы такая датировка (начало XIV в. до н.э.) была верной, то в сочетании с эпиграфическими характеристиками надписи она должна была бы повлечь за собой пересмотр всей системы представлений о времени возникновения и этапах развития иероглифического письма в Анатолии – предположение о существовании развитой традиции фонетического письма уже в это время вступает в полное противоречие с имеющимися на сегодняшний день данными.

Как бы то ни было, отмеченный противоречивый характер интерпретации Дж. Хоукинса имел один безусловно позитивный момент: он дал импульс весьма интенсивной дискуссии о ее историческом и географическом контекстах. Прежде всего эта дискуссия коснулась тех аспектов надписи, которые могут быть использованы в качестве критериев для датировки и хотя бы примерного географического соотношения текста – палеографии и ономастики. С другой же стороны, предположительные троянские аллюзии надписи имели для нее и негативные последствия. Интересная и в известной мере провокационная историческая проблематика текста полностью отвлекла внимание исследователей от некоторых базовых текстологических и грамматических проблем интерпретации надписи.

В результате, некоторые чтения и грамматические интерпретации, предложенные Дж. Хоукинсом в его *editio princeps*, на которых в значительной степени базируются как его собственные исторические построения, так и аргументация других исследователей, остались без должного обсуждения. Исключение составляет лишь исследование Ф. Джусфреди (см. ниже). Между тем в надписи есть немало грамматических и текстологических моментов, интерпретация которых вызывает вопросы и которые нуждаются во внимательном рассмотрении. Прежде чем перейти к детальному рассмотрению текстологических проблем, приведем прорисовку надписи (рис. 1), а также транслитерацию и перевод надписи в том виде, в каком они были представлены в статье Дж. Хоукинса⁵.

⁵ Hawkins 2005, 194: «§ 1 This bowl Asmaya, the man of the land Hattusa, dedicated(?) for

d.

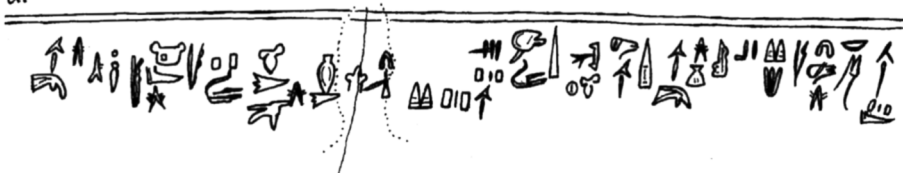

Рис. 1. Прорисовка надписи 1 Дж. Хоукинса (по Melchert et al. 2003, 144)

Надпись 1

§ 1 *za/i-wa/i-ti CEALUM-pi *a-sa-ma-i(a) REGIO.HATTI VIR₂. *273 i(a)-sa₅-za/i-tà⁶ REX ma-za/i-kara/i-hu-ha REX PRAE-na*

§ 2 *tara/i-wa/i-za/i-wa/i (REGIO) REL+ra/i MONS.[tu] LABARNA+la hu-la-i(a)-tà*

§ 3 **a-wa/i-na *a-pa-ti ANNUS-i(a) i(a)-za/i-tà*

§ 1 Эту чашу Асмайа, человек страны Хаттуса, *посвятил* (?) для самого себя перед царем Маца-Кархухой,

§ 2 когда Тудхалия Лабарна покорил страну Тарвица –

§ 3 ее в этот год он сделал.

Надпись 2

*za/i CAELUM-pi SCRIBA 2 pi⁷-t[i⁷]-x[...] *414*

«Эту чашу Бенти-... писец ...».

I.

Аргументы, говорящие в пользу более поздней, чем время правления Тудхалии I/II, датировки и совершенно иного исторического контекста надписи, отчасти отмеченные уже самим Дж. Хоукинсом, однако отброшенные им как противоречащие его исторической интерпретации, были собраны и последовательно проанализированы К. Морой⁷ и затем Ж. Шимоном⁸. Если рассматривать надпись с чисто формальной, т.е. палеографической, точки зрения, вряд ли могут возникнуть вообще какие-либо сомнения в ее довольно поздней датировке: конец эпохи империи или даже постимперский период. Действительно, текст написан практически исключительно фонетически с аккуратной фиксацией глагольной и именной флексии, что не является нормой даже для самых поздних лувийских текстов периода империи, таких, как YALBURT (время правления Тудхалии IV). Такое употребление знаков типично для поздних текстов и указывает, таким образом, вполне определенно на более позднее время возникновения надписи – после 1200 г. до н.э. Форма знаков также позволяет провести параллели скорее с группой текстов из Каркемиша, датируемых позднихеттским периодом⁹, и не обнаруживает каких-либо заметных общих черт с формами знаков периода империи.

himself before King Maza-Karhuha, § 2 when Tudhaliya Labarna smote the land of Tarwiza – § 3 it in that year he made».

⁶ Знак *tà* в первоначальной транслитерации на с. 194 является, очевидно, опечаткой. Далее в статье Дж. Хоукинс транслитерирует форму как **273 i(a)-sa₅-za/i-tà*.

⁷ Mora 2007.

⁸ Simon 2009.

⁹ Mora 2007, 519.

С другой стороны, по крайней мере два личных имени, засвидетельствованные в тексте – Асмайя (Asmaya) и Маци-Кархуха (Mazi-Karhuha), могут быть достаточно надежно отнесены к хурритской культурной традиции Северной Сирии, поскольку имеют ближайшие параллели в хурритской ономастике Эмара эпохи поздней бронзы: Asmiya и Mazi-^DU-ub, т.е. Mazi-Teššub¹⁰. Как использование знака *kara/i* в написании имени *ma-za/i-kara/i-hu-ha* – черта, особенно характерная для текстов из Каркемиша (хотя и не только для них), так и само появление имени божества Кархуха (сирийский аналог анатолийского К(у)рунтии, (DEUS)CERVUS), культ которого хорошо засвидетельствован в том же Каркемише, еще более усиливает впечатление принадлежности текста к сирийской традиции. Еще одно личное имя, засвидетельствованное во второй, более короткой надписи на противоположной стороне чаши, сохранилось только наполовину, однако видимые части знаков позволяют предложить довольно надежное и осмысленное восстановление *p[i]-t[i]-T[ONITRUS]*, как это было отмечено уже Дж. Хоукинсом¹¹. Фонетически имя можно интерпретировать как /Benti-Teššob/¹². Это имя – очевидная параллель к хорошо засвидетельствованному хурритскому имени *pi-ti-SARMA* /Benti-Šarruma/¹³ и, таким образом, еще одно указание на вероятный сирийский контекст возникновения надписи.

В то же время, были высказаны сомнения относительно возможности сопоставления формы *tara/i-wa/i-za/i* с клинописным Taruiša. Так, Ф. Штарке указывал на

¹⁰ Mora 2007, 518 f. Как уже было отмечено Ф. Джусфреди, К. Мора не совсем верно цитирует это имя, опуская в нем последний знак, который служит фонетическим компонентом к идеограмме ^DU (или ^DISKUR, как у Ф. Джусфреди), указывая на чтение Teššub (точнее /Teššob/) – хурритское имя бога Грозы.

¹¹ Hawkins 2005, 197.

¹² По-видимому, то же самое имя засвидетельствовано в альтернативном (фонетическом) написании на печати SBo I, Nr. 11: *pi-ti-TEŠ-ра*. Что касается знака *318, интерпретируемого Э. Ларошем (см. Laroche 1960, 163) и вслед за ним другими исследователями как идеограмма или логограмма бога Тешшуба (и соответственно транслитерируемого как TEŠUB), то есть серьезные основания рассматривать его как *фонетический* знак. Во-первых, для обозначения бога Грозы служит другой знак (TONITRUS), который бесспорно является идеограммой. Как следует из самого понятия идеограммы, этот знак мог скрывать имя любого бога Грозы – как лувийское Tarhunt-, так и хурритское Teššob или, скажем, сирийское Adad. Существование логограммы специально для имени Teššob выглядит достаточно странно и кажется просто излишним: для того, чтобы однозначно определить, как нужно читать имя бога Грозы в каждом конкретном случае, достаточно было снабдить идеограмму TONITRUS фонетическим компонентом, как это регулярно делалось с именем Тархунта, появляющимся в позднеехеттских текстах как TONITRUS-t- или TONITRUS-hu-t-. Во-вторых, характер использования знака *318 противоречит определению его функции как логограммы: этот знак всегда появляется в сопровождении фонетического знака <ba>. Если бы знак *318 имел чтение /teššob/, т.е. полностью задавал бы фонетическое чтение имени бога Грозы, то картина была бы иной: в большинстве случаев знак появлялся бы без всяких фонетических дополнений и лишь изредка в сопровождении фонетического знака <ba>, делающего еще более ясным (в какой-то степени излишне) чтение логограммы. Однако исходя из характера написаний знак <ba> является абсолютно необходимым элементом в сочетании с *318 для передачи имени Teššob. Это может означать только то, что знак *318 не передает последнюю фонетическую часть слова, для передачи которой и служит знак <ba>. Наконец, существуют достаточно весомые аргументы этимологического характера в пользу того, что знак *318 имел фонетическое чтение TEŠ, детальное обсуждение которых будет дано в другом месте.

¹³ Starke 1997, 474 (Anm. 86a); Simon 2009, 251.

то, что форму *tara/i-wa/i-za/i* было бы наиболее естественным интерпретировать как прилагательное, содержащее типичный лувийский суффикс *-izza/i-*, так называемый «этнический суффикс», образующий прилагательные от названий стран и городов. В этом случае собственно название страны должно быть интерпретировано как *tara/i-wa/i*, что очевидным образом весьма далеко от клинописного Taruiša. К этому следует добавить еще одно наблюдение. Проблематичным оказывается соответствие *tara/i-wa/i* даже начальной части Taruiša. Клинописные написания Та-гу-и-ša или Та-гу-ви-ša (так же, как греческие формы названия: Τροία, -η, Τρωίη) указывают на то, что второй слог имени действительно содержал реальный *гласный* /u/ (или /o/), а не полугласный /u/. Для передачи фонетического кластера /taru(u)i-/ в лувийской иероглифике следовало бы ожидать не *tara/i-wa/i*, но **ta/tá/tà-ru-wa/i-* или **ta/tá/tà-ru-i(a)-*.

Таким образом, с точки зрения фонетики и морфологического анализа предложенное Дж. Хоукинсом сопоставление *tara/i-wa/i-za/i* с Taruiša не выдерживает никакой критики. Учитывая то, что появление топонима Троя в сиро-хурритском контексте надписи представляет очевиднейшее противоречие, такая идентификация названия *tara/i-wa/i* должна быть однозначно отброшена. Исчезновение названия Трои из надписи очевидно подрывает одну из основ исторической реконструкции Дж. Хоукинса.

Суммируя вышесказанное, нужно отметить целый комплекс фактов, противоречащих предложенной Дж. Хоукинсом интерпретации надписи:

1) палеография надписи свидетельствует в пользу датировки значительно более поздней, чем время правления Тудхалии I/II;

2) данные ономастики определенно указывают на (сиро-)хурритский контекст надписи;

3) сопоставление *tara/i-wa/i-za/i* с клинописным Taruiša крайне проблематично и, кроме того, явно противоречит указаниям ономастики. Гораздо логичнее было бы искать страну *Tara/i-wa/i* в регионах, населенных хурритами – в Сирии или Юго-Восточной Анатолии.

II.

Однако если эти формальные критерии вполне ясно указывают на достаточно поздний, по-видимому, постимперский период возникновения надписи и ее (сиро-)хурритский контекст, в надписи все же есть – согласно первоначальному прочтению – два элемента, которые якобы однозначно устанавливают ее связь с Хеттской империей. Это обозначение Асмайи как REGIO.HATTI VIR₂ «человек страны Хатти» и появление имени Тудхалия (MONS[.tu]), типичного имени хеттских царей, с одним из их традиционных титулов – «лабарна» (LABARNA+la). Эти два элемента наряду с изрядно им противоречащими указаниями на позднюю датировку производят крайне странное впечатление. Неудивительно, что это вызвало к жизни две достаточно искусственные гипотезы, пытающиеся как-то согласовать это противоречие.

Так, Ж. Шимон предположил, что чаша с надписью представляет собой продукт «пограничной зоны» Хеттской империи как в хронологическом, так и в пространственном смысле. Согласно его гипотезе, в надписи засвидетельствован царь некоего небольшого государства, возникшего после распада Хеттской империи, который носил традиционное для хеттских царей имя Тудхалия (и, таким образом, может быть обозначен как Тудхалия V) и царствовал где-то в юго-восточных ре-

гионах бывшей империи¹⁴. Принимая во внимание тот факт, что от периода, следующего непосредственно за распадом Хеттской империи и исчезновением хеттской писцовой традиции, до нас не дошло практически никаких источников, такую интерпретацию надписи действительно нельзя полностью исключить. Однако она остается лишь теоретическим конструктом, поскольку кроме текста самой чаши вряд ли можно привести какие-либо реальные свидетельства в пользу таких исторических построений.

С. Дарнфорд, практически без изменений принимая предложенную Дж. Хоукинсом историческую интерпретацию надписи, высказал предположение, что текст надписи и события, в нем упомянутые, принадлежат к разным эпохам. Согласно гипотезе С. Дарнфорда, надпись была выполнена на чаше много позднее похода Тудхалии I/II к Трое и времени изготовления самой чаши – в постимперскую эпоху где-то в регионе Каркемиша¹⁵. Она была сделана какими-то наследниками Асмайи, упомянутого в тексте (согласно интерпретации С. Дарнфорда) в качестве изготовителя чаши, и была призвана придать чаше особую ценность как уникальному артефакту древних эпох. Причем, вплоть до момента нанесения надписи традиция «подвигов Асмайи» передавалась в его семье изустно, в качестве некоего семейного предания, имеющего, по наблюдениям С. Дарнфорда, даже некоторые черты сходства с эпическими сказаниями. При всей своей красочности и кажущейся непротиворечивости эта гипотеза, конечно, совершенно фантастична. Даже если подобные «семейные предания» и существовали в древней Анатолии или Сирии, то никакого намека на это дошедшие до нас тексты не содержат. Непонятной остается также цель, с которой некий наследник Асмайи все же решил в какой-то момент – спустя более 200 лет после описанных событий – надписать чашу.

Обе гипотезы достаточно ярко демонстрируют всю сложность сведения воедино явно противоречащих друг другу формальных и содержательных черт надписи. В рамках известных на сегодня представлений о лувийском письме и исторических контекстах его существования это кажется вряд ли возможным. Однако, как кажется, проблема заключается вовсе не в том, чтобы согласовать плохо согласующиеся между собой исторические факты, будто бы вытекающие из прочтения надписи. В действительности проблема лежит на другом, более базовом уровне и касается самой реальности присутствия аллюзий на Хеттскую империю в тексте надписи, другими словами, правильности первоначальной интерпретации некоторых структурных элементов надписи – знаков и лексем.

III.

Первый шаг в развенчании «фантома империи» был предпринят Ф. Джусфреди¹⁶, который стал первым исследователем, поставившим под сомнение правильность прочтения надписи, предложенного Дж. Хоукинсом. Он указал, что комбинация двух знаков, прочитанная последним как REGIO.HATTI и интерпретированная соответственно как «страна Хатти», представляет из себя довольно странное сочетание, поскольку в лувийском иероглифическом письме детерминативы географических понятий всегда следуют за собственно названиями¹⁷. Корректной формой

¹⁴ Simon 2009, 259 ff.

¹⁵ Durnford 2010, 68 f.

¹⁶ Giusfredi (в печати).

¹⁷ Ф. Джусфреди предпочитает довольно мягкую формулировку «[t]he position of the ideogram/determinative REGIO is unique: *normally*, it occurs right after the toponym, and not before it (курсив мой. – P.O.)». Однако в действительности в иероглифических лувийских

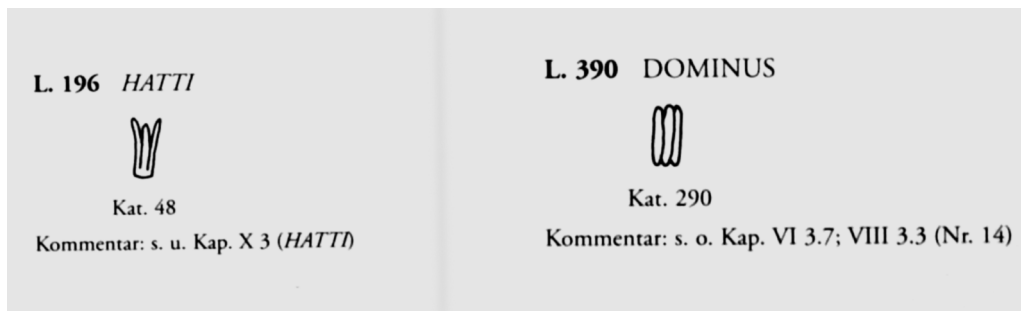

Рис. 2. Формы знаков HATTI и DOMINUS в имперский период (по Herbordt 2005)

было бы HATTI.REGIO (или HATTI(REGIO)), как это и засвидетельствовано в других текстах¹⁸, а REGIO.HATTI выглядит настолько же странно, как выглядило бы не засвидетельствованное ни в одном клинописном тексте сочетание Hatti^{KUR}.

Более того, как замечает Ф. Джусфреди, можно предложить альтернативное чтение второго знака и соответственно вполне осмысленное чтение сочетания: REGIO.DOMINUS. Действительно, эпиграфически знак DOMINUS (*390) очень близок к знаку HATTI/HÁ (*196), представляя собой три вертикальных черты, в поздних текстах иногда соединенных одной или двумя горизонтальными чертами (в середине и в основании). Наиболее существенным различием между двумя знаками является то, что HATTI/HÁ всегда имеет горизонтальную черту в основании. На рис. 2 представлены формы этих знаков, засвидетельствованные для имперского периода¹⁹.

Насколько позволяет судить прорисовка надписи, выполненная Дж. Хоукинсом (рис. 1), и изучение чаши в музее, предпринятое мною в июне 2010 г., горизонтальная черта в знаке, прочитанном Дж. Хоукинсом как HATTI, отсутствует. Таким образом, с точки зрения эпиграфики чтение DOMINUS вместо HATTI/HÁ более предпочтительно, поскольку для последнего наличие горизонтальной черты в основании было строго обязательным элементом. Знак представляет собой, следовательно, достаточно раннюю форму DOMINUS, без горизонтальных элементов. Его несколько сходящаяся к основанию форма действительно выглядит немного необычно, однако, во-первых, угол наклона черт не настолько большой, чтобы говорить о сколько-нибудь существенном изменении формы знака, препятствующем его идентификации, а во-вторых, легкое схождение черт вполне можно объяснить, вслед за Ф. Джусфреди, эффектом нанесения их на сферическую поверхность чаши.

Появление в надписи сочетания REGIO.DOMINUS прекрасно согласуется как с фактами, указывающими на позднюю датировку надписи, так и с предположением о сирийском происхождении чаши, поскольку это сочетание представляет собой хорошо засвидетельствованный в постимперских текстах, в том числе и многочисленных текстах из Сирии, титул «правитель области» (Country Lord). Таким образом, данное чтение следует безусловно предпочесть первоначальному нигде более

текстах не засвидетельствовано ни одного случая, когда бы детерминатив REGIO предшествовал топониму.

¹⁸ YALBURT Block 4 § 2 и SÜDBURG § 1, 5, 6 согласно нумерации Дж. Хоукинса.

¹⁹ Более поздние формы знаков см. Laroche 1960, № 196, 390.

не засвидетельствованному REGIO.HATTI. Это устраняет один из двух элементов текста, якобы устанавливающих связь надписи с Хеттской империей.

IV.

Однако реинтерпретация знака, следующего за REGIO, не разрешает все проблемы, связанные с данным пассажем текста. Согласно первоначальному пониманию текста Дж. Хоукинсом, REGIO.HATTI – теперь REGIO.DOMINUS – выступает не в качестве отдельного элемента текста, а в сочетании со следующим знаком, прочитанным им как VIR₂ и интерпретированным как «мужчина/человек» («man»). Однако даже если воспринимать эту последовательность, следуя за Дж. Хоукинсом, как единое сочетание, что дает «человек правителя области», то такое определение, относящееся к Асмае, выглядит в любом случае более уместным, чем совершенно уникальное «этническое» (или геополитическое) определение Асмайи как «человека страны Хатти». «Человек правителя области» устанавливает статус Асмайи, определяя его положение в общественной иерархии. Стремление идентифицировать свое положение в иерархии играет первостепенную роль практически во всех надписях позднешеттского периода (да и не только).

Однако существует и другая, на мой взгляд, гораздо более вероятная возможность интерпретации. Значение «мужчина/человек» для знака VIR₂ можно предполагать лишь для текстов имперского периода, и то для очень ограниченного числа случаев²⁰. Этот знак часто появляется на печатях в комбинации с BONUS (BONUS.VIR₂) в качестве «квазититула» (условно и, по-видимому, неверно: «добрый (для) человек(а)»); кроме того, он фигурирует в качестве детерминатива перед некоторыми обозначениями людей, таких, как VIR₂.EUNUCHUS₂, условно – «евнух», VIR₂.tá.AVUS «отцы и праотцы», VIR₂.*416-wa/i-ni «правитель»²¹, по-видимому, отграничивая таким образом «титул» от других значений соответствующих знаков или лексем. Этими комбинациями свидетельства о VIR₂ в значении «человек» в имперских текстах, собственно, и исчерпываются²². В поздних текстах знак используется в качестве показателя начала слова, впрочем, далеко не регулярно.

Вообще же сама идея приписывать этому знаку значение «человек/мужчина» не кажется вполне оправданной. Очевидно, что этот знак не являлся независимым элементом иероглифической письменности, таким, как идеограмма или фонетический знак, и играл лишь вспомогательную роль либо в качестве указателя на класс людей (детерминатив), как в приведенных случаях, либо для создания комплексных знаков, таких, как SERVUS = VIR₂.VIR₂ или INFANS = VIR₂.MANUS.VIR₂. Нет ни одного случая, который бы однозначно свидетельствовал в пользу независимого значения «мужчина/человек» для этого знака. Знак играет лишь функцию *указателя*

²⁰ Рассмотрение проблемы употребления знака VIR₂ (далеко не исчерпывающее сюжет) можно найти в: Hawkins 2010.

²¹ См. подробнее комментарии Дж. Хоукинса в: Herbordt 2005, 310 f. Значение VIR₂.*416-wa/i-ni «правитель» подробно рассматривается мною в кандидатской диссертации, готовящейся сейчас к публикации.

²² С известными оговорками к ранней традиции использования знака VIR₂ можно отнести еще несколько текстов, принадлежащих к «переходному» периоду (т.е. периоду следующему непосредственно за падением Хеттской империи ок. 1180 г. до н.э.): KARAHÖYÜK, ALEPPO 6, ALEPPO 7, в которых этот знак используется преимущественно перед лексемами, так или иначе связанными с понятием «человек», подробнее см. Hawkins 2010, 3 f.

на семантическую сферу, соотношенную с «человеком/мужчиной»²³. Более того, как со всей очевидностью показывает материал, собранный самим Дж. Хоукинсом в упомянутой статье, посвященной знаку VIR₂, этот знак всегда предшествует детерминируемому им понятию (т.е. представляет как раз случай, обратный употреблению детерминатива URBS, см. выше). Точно также в поздних текстах этот знак уже в качестве показателя начала слова, появляется естественным образом перед первым знаком соответствующей группы. Нет совершенно никаких оснований предполагать, что в тексте надписи на чаше принцип использования знака – в каком бы то ни было его значении – будет чем-то отличаться от общепринятого. Поэтому уже само отнесение Дж. Хоукинсом этого знака к предшествующей группе (REGIO.DOMINUS) выглядит совершенно необоснованным. Вряд ли более убедительна попытка Ф. Джусфреди представить дело так, что этот знак является вторым из якобы двух необходимых для маркирования REGIO.DOMINUS знаков VIR₂, а первый, который должен был бы стоять перед этим титулом, был просто пропущен писцом. Ф. Джусфреди явно смешивает знак VIR₂ и так называемый показатель идеограмм/логограмм, представляющий из себя два небольших полукруглых элемента (вроде развернутых кавычек: ' '), действительно помещаемых по обеим сторонам маркируемой идеограммы/логограммы.

Единственно возможной интерпретацией остается отнесение знака к следующему за ним слову, т.е. к *273 i(a)-sa₅-za/i-tà. Его функция будет рассмотрена ниже при анализе значения этого глагола. Что же касается Асмайи, то его обозначением оказывается не уникальное REGIO.DOMINUS VIR₂, а вполне обычный титул REGIO.DOMINUS, типичный для Сирии позднехеттского периода – «правитель области».

V.

Как уже говорилось, с исчезновением из надписи «человека страны Хатти» рушится одно из двух оснований, на которых строится идея Дж. Хоукинса о связи чаши с Хеттской империей. Вторым таким основанием служит якобы присутствующее в надписи имя Тудхалии вместе с титулом «лабарна». Как уже указывалось исследователями, само по себе появление имени Тудхалии не означает еще связи с хеттскими царями эпохи бронзы, поскольку оно засвидетельствовано и в более позднюю эпоху в качестве имени одного или нескольких правителей Каркемиша²⁴. Гораздо более веский аргумент в пользу такой связи – титул Тудхалии «лабарна», не засвидетельствованный в постимперскую эпоху. Именно присутствие «лабарны» Тудхалии в надписи – краеугольный камень всех исторических конструкций и реконструкций, связанных с интерпретацией надписи.

Следует заметить, однако, что имя Тудхалии, обычно передаваемое в лувийской иероглифике парой знаков MONS+tu, является в надписи восстановлением, предложенным Дж. Хоукинсом²⁵: второй знак tu отсутствует в прорисовке, как таковой. В виду той чрезвычайно важной роли, которую играет присутствие «лабарны» Тудхалии в надписи, кажется удивительным, с какой легкостью восстановление

²³ Опасность приписывания знакам в недостаточной мере подтвержденных идеографических значений ярко демонстрирует как раз данный случай: если бы значение знака было определено в строгом соответствии с его наблюдаемой функцией «показатель класса людей, помещаемый перед соответствующей лексемой», то сама идея чтения REGIO. NATTIVIR₂ как единого сочетания «человек страны Хатти», возможно, никогда бы и не возникла, с самого начала блокируя рассмотрение других возможностей интерпретации.

²⁴ Mora 2007, 519.

²⁵ Hawkins 2005, 196.

имени, предложенное в общем-то без сколько-нибудь серьезной дискуссии, было принято исследователями как само собой разумеющееся.

Однако имеется целый ряд различных негативных свидетельств в пользу того, что знака *tu* в надписи никогда просто не было:

1. Графические несообразности

А. Даже на первый взгляд кажется довольно странным то обстоятельство, что имя царя Маци-Кархуха в § 1 заключено в так называемую «эдикулу», т.е. обрамлено с обеих сторон титулом REX «царь», в то время как имя Тудхалии, якобы снабженное титулом «лабарна», – традиционным титулом хеттских великих царей (MAGNUS.REX), указывающим на соответственно более высокий, чем REX, статус его обладателя, – появляется без эдикулы. Более того, титул «лабарна», будучи достаточно поздним – со времени Тудхалии IV²⁶ – добавлением в официальную титулатуру хеттских великих царей, насколько мне известно, никогда не используется в отрыве от основного титула MAGNUS.REX²⁷. Насколько можно судить, это был не столько функциональный, сколько церемониальный титул, устанавливающий связь хеттских царей с працарем Лабарной. Появление этого титула без каких-либо других представляется крайне странным, если вообще возможным.

В. Наблюдение над графикой самого имени Тудхалия усугубляет подозрения. Как видно уже из прорисовки надписи (рис. 1), первый знак, имени MONS расположен на более низком уровне, чем следующий за ним LABARNA+la и предшествующая лигатура REL+ra/i. Принимая во внимание тот факт, что обе лигатуры MONS+tu и LABARNA+la имеют одинаковую структуру (один высокий знак, поставленный на один плоский знак), можно было бы ожидать, что, если бы писец планировал написать именно MONS+tu, обе лигатуры были бы помещены на одном уровне (либо же имя как основной элемент – выше), как это обычно и наблюдается (см. тексты, указанные в прим. 27). Более того, изучение надписи в музее позволило различить, несмотря на недавние попытки кого-то из владельцев чаши залатать трещину, проходящую через эту часть надписи, некоторые дополнительные детали, не ясные из прорисовки. Прорисовка Дж. Хоукинса не совсем корректно передает взаимное расположение знаков MONS и LABARNA+la: в действительности знак MONS расположен ближе к LABARNA+la, так что в пространстве между ним и REL+ra/i, который, как это видно на рисунке, практически касается нижней части MONS, просто не остается места на то, чтобы гармонично разместить знак TU. Если бы писец действительно намеревался написать лигатуру MONS+tu, можно было бы ожидать более широкого отступа между ней и двумя знаками, окружающими ее.

2. Синтаксические несообразности

Позиция предполагаемого субъекта предложения (Тудхалия) непосредственно перед *переходным* глаголом, которая следует из предложенной Дж. Хоукинсом интерпретации пассажа («...когда Тудхалия “лабарна” покорил страну...»), является совершенно нетипичной для лувийского²⁸. Если для транспозиции частей предложения в первом параграфе надписи, заключающейся в вынесении обстоятельственной части REX Ma-za/i-kara/i-hu-ha REX PRAE-na «перед царем Маци-Кархухой» в позицию после глагола, можно найти вполне логичное объяснение – таким

²⁶ Hawkins 1995, 108 ff.

²⁷ Это касается как монументальных надписей Тудхалии IV (YALBURT, EMİRGAZİ, BOGAZKÖY 3, 11, 18, 24 и DELİHASNALI) и Суппилулиумы II (NİŞANTAŞ), так и печатей этих царей (ср., например, SBo I. Nr. 52–64, SBo II. Nr. 4). К сожалению, второй том издания печатей, найденных на Нишан-тепе, подготовленный С. Хербордт и вышедший в мае 2011 г., который включает в себя как раз царские печати, остался мне недоступным.

²⁸ Ср. Melchert et al. 2003, 200 ff.

образом все внимание читателя обращается сначала на имя Асмайи, по-видимому, обладателя чаши, и лишь за тем – на имя царя, вручившего эту чашу (см. ниже), то основания для смены позиций предполагаемого прямого объекта (*tara/i-wa/i-za/i* (REGIO)) и субъекта (Тудхалия) в предложении § 2 остаются совершенно неясными. Если бы это действительно было «...когда Тудхалия “лабарна” покорил страну...», нормальный порядок слов был бы *MONS.tu LABARNA+la-wa/i REL+ra/i tara/i-wa/i-za/i-(na) (REGIO) hu-la-i(a)-tá. Абстрагируясь на мгновение от семантического толкования последовательности MONS(+tu) LABARNA+la и рассматривая ее с чисто синтаксической точки зрения, лишь две интерпретации представляются возможными: либо это прямой объект (т.е. существительное в асс., неотмеченном графически), либо косвенный объект (существительное в dat.-loc., см. ниже).

3. Семантические несообразности

Интерпретация Дж. Хоукинса производит странное впечатление и в плане содержания и вызывает немало вопросов. Не является ли коротенькая надпись на чаше чересчур тесной для трех человек – Асмайи, Маци-Кархухи и Тудхалии? Если чаша была «посвящена в присутствии царя Маци-Кархухи», то почему надпись датирована по деянию некоего Тудхалии? Или этот Маци-Кархуха был таким уж совсем невзрачным царьком, что не мог похвастаться ни одним деянием, свершенным им собственноручно, которым можно было бы датировать «посвящение» чаши Асмайе, и поэтому надо было ссылаться на подвиги «большого брата» Тудхалии? Для объяснения трехчастной иерархии, следующей из общей интерпретации Дж. Хоукинса – «правитель области» – «царь» – «лабарна», которая не засвидетельствована ни одним другим текстом, потребовалось бы построение достаточно сложных исторических схем. В действительности Тудхалия «лабарна» кажется просто лишним в этой надписи. Без Тудхалии все стало бы на свои места: упоминание пары Асмайа («правитель области») и Маци-Кархуха («царь») замечательно вписывается в общую картину, типичную для позднихеттских городов-государств с их обычной двучленной иерархией, – верховный правитель vs. вассал.

Таким образом, упоминание в тексте надписи некоего Тудхалии «лабарны» стоит в прямом противоречии с массой различных свидетельств. Вывод вполне очевиден: предполагаемого Дж. Хоукинсом знака TU под знаком MONS в надписи просто никогда не было, и последовательность знаков должна читаться как MONS LABARNA+la.

VI.

Наиболее естественным образом подобную последовательность можно интерпретировать как название горы или горной страны, т.е. как (MONS)LABARNA+la. Поскольку лигатура LABARNA+la, по-видимому, не имела другого чтения, кроме как /labarna/²⁹, то название горы должно звучать точно так же, либо очень похоже. Гора с подобным названием действительно обнаруживается в сирийской топонимике.

Название (MONS)LABARNA+la может быть непосредственно сопоставлено со свидетельством одного из позднихеттских текстов из сирийского региона (НАМА 7), упоминающего в § 3 («MONS»)la-pa+ra/i-na-wa/i-ni-sa FLUMEN.REGIO-tà-i-sà –

²⁹ Размышления Дж. Хоукинса (Hawkins 1995, 108 ff.) о том, что знак LABARNA эволюционировал в поздней иероглифике в знак IUDEX, являющийся логограммой для обозначения определенного типа правителя (tarwani-), выглядят совершенно неубедительно с точки зрения как графики, так и семантики.

«речную страну горы Лаб(а)р(а)на». В издании текста в *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions* Дж. Хоукинс осторожно предположил, что («MONS»)la-ra+ra/i-na- – это передача в иероглифике названия, засвидетельствованного в клинописных хеттских текстах как Лаблани (Lablani) и являющегося хеттской передачей названия гор Ливана³⁰. Ту же форму название имеет и в текстах из самой Сирии³¹. Интерпретация («MONS»)la-ra+ra/i-na-, предложенная Дж. Хоукинсом, выглядит для текста НАМА 7 очень вероятной, если не единственно возможной, поскольку географическая сфера царства Хама, расположенного на Сирийской равнине, не включала в себя каких-то значительных горных цепей, и горы Ливан были в любом случае ближайшей к нему горной системой. Принимая во внимание сирийскую и хеттскую форму Lablani, неоднозначную фонетическую запись («MONS»)la-ra+ra/i-na- можно интерпретировать как /Labrana/i/, что следует предположить и для (MONS)LABARNA+la в тексте чаши из Анкары. Как уже было отмечено Дж. Хоукинсом³², фонетическое различие между хеттской и лувийской формами не представляет проблемы в виду достаточно обычного для лувийского чередования дентальных r/l/d.

Идентификация (MONS)LABARNA+la с горами Ливан прекрасно согласуется с уже обсуждавшимися указаниями на возможное сирийское происхождение чаши и текста на ней и является, видимо, последним и решающим аргументом в пользу этого предположения. Новое прочтение и толкование заключительной части § 2 окончательно подрывают основания всей интерпретации Дж. Хоукинса, лишая текст его главного *dramatis personae* Тудхалии, предполагаемого покорителя Трои. Таким образом, текст надписи не имеет никакого отношения ни к Хеттской империи, ни к ее царям, ни соответственно к Трое, а должен касаться, судя по всему, лишь сирийских или, если брать несколько шире, сиро-анатолийских реалий.

VII.

Трансформация «Тудхалии» в «Ливан» порождает в то же время несколько новых вопросов. Кто или что в таком случае является субъектом предложения в § 2? Какую роль играют два географических региона, упомянутые в тексте – (MONS)LABARNA+la и tara/i-wa/i-za/i-(REGIO) – и как они соотносятся между собой и с действующими лицами: Асмайей и Маци-Кархухой?

Как уже отмечалось, с синтаксической точки зрения единственной возможностью интерпретации функции (MONS)LABARNA+la является предположение, что это объект, прямой (acc.) или косвенный (dat.-loc.), в зависимости от интерпретации глагола hu-la-i(a)-tá как переходного или непереходного. Напротив, кажется крайне маловероятным, что tara/i-wa/i-za/i-(REGIO), стоящее в самом начале предложения и интерпретируемое ранее как прямой объект, т.е. как «страна», которую покоряют, может им действительно являться. Однако и положение этого элемента в предложении, и отсутствие какой-либо иной разумной альтернативы заставляют видеть именно в нем субъект предложения § 2.

Это заключение, на первый взгляд довольно противоречивое, все же дает основания для вполне правдоподобной интерпретации всего § 2 и, более того, позволяет подойти к ответу на довольно важный вопрос, имманентно присутствующий

³⁰ Hawkins 2000, 414, ср. Gonnet 1968, 129 и RGTC 6/1, s.v. Lablani.

³¹ См. RGTC 12/2, s.v.

³² Hawkins 2000, 414.

в тексте с самого начала, но оставленный без внимания исследователями: царем какой страны был Маци-Кархуха?

Решение подсказывает морфологический анализ формы *tara/i-wa/i-za/i-(REGIO)*, предложенный Ф. Штарке³³ и уже затронутый в обсуждении выше, согласно которому эта форма содержит «этнический» суффикс *-izza-* и, следовательно, значит буквально «относящийся к (стране) *Tara/i-wa/i-*, т(а)р(а)вейский». Эту вполне здравую идею вряд ли можно было эффективно использовать в рамках интерпретации, предложенной Дж. Хоукинсом, и Ф. Штарке вынужден был прийти к довольно странному выводу: хотя *tara/i-wa/i-za/i-* следует интерпретировать как прилагательное, оно тем не менее выступает в качестве субстантива, т.е. как «(страна) Т(а)р(а)вейская». Остается совершенно не понятным, зачем к названию страны нужно было сначала добавлять «этнический» суффикс для образования прилагательного, которое тут же субстантивируется, чтобы в результате получить название той же самой страны.

В действительности, как Ф. Штарке сам наглядно демонстрирует³⁴, суффикс *-izza-* играет примерно ту же роль, что и другой «этнический» суффикс *-wani-*, образуя «этнические» прилагательные от географических названий. Как показывают следующие примеры, дериваты с суффиксом *-izza-* могут выступать исключительно с существительными в аппозиции: *kar-ka-mi-si-za-sa(URBS) (DEUS) TONITRUS-sa (KARKAMIŠ A2+3 § 15)* – «каркемишский бог Грозы» или *kar-ka-mi-si-za-sa(REGIO) REGIO.DOMINUS-ia-sa* – «каркемишский правитель области» (Ibid. § 1); *[SU]PER-alá/i-za-sa(URBS) sù-ki-ti-za-ha(URBS) |FLUMEN.DOMINUS-i(a)-sá (BOYBEYPINARI ПИБ–ПИС и MALPINAR § 1)* – «саралейский и сукитейский “речной” правитель»; *REX-ti-sa |ma-su-wa/i+ra/i-za-sa(URBS) (BOROWSKI 3 § 1, TELL AHMAR 5, § 1, TELL AHMAR 6 § 1)* – «м(а)с(у)варский царь»; *(LIGNUM) sa-pi-si-za-sa(URBS) FLUMEN-pa-ti-sa (KARKAMIŠ A12 § 6)* – «саписская речная страна»; *ka-wa/i-za-na(URBS) |(CURRUS)wa/i+ra/i-za-ni-na (KARKAMIŠ A11b § 7)* – «кавейская колесница (acc.)»; *ha+ra/i-ni-sa ha-wa/i+ra/i-zá-sa(URBS) (CEKKE § 17c)* – «Харани (имя собственное) хаварейский»³⁵.

Таким образом, *tara/i-wa/i-za/i-* может быть интерпретировано только как прилагательное «т(а)р(а)вейский». В качестве такового оно требует какого-то референта в тексте. Референт явно отсутствует в § 2, однако предшествующая ему часть текста предлагает вполне однозначное решение: им может быть только REX («царь») – субстантив, непосредственно стоящий перед *tara/i-wa/i-za/i-(REGIO)* и отделенный от него только послелогом PRAE. Такая интерпретация дает вполне

³³ Starke 1997, 474 f. (Anm. 86a).

³⁴ Starke 1997, 476 f. (Anm. 120–121).

³⁵ Определенную трудность представляет только объяснение форм, засвидетельствованных в пассаже KARKAMIŠ A6 § 6, где ряд слов, оканчивающихся на *-za*, дан без непосредственного референта: *zi-i-pa-wa/i-’ mu-sá-za(URBS) mu-sá-ka-za(URBS) su+ra/i-za-ha(URBS) AUDIRE+MI-ti-i-ta* (см. Hawkins 2000, 126). Эти слова могут быть интерпретированы либо как субстантивированные прилагательные, оканчивающиеся на *-izza-*, и в таком случае они относятся к языку (т.е. «мисийский, фригийский, ассирийский (или финикийский)»), как в: Starke 1990, 352 и Anm. 1242, либо просто как *dat. pl.* (т.е. формы на */-anza/*), и представляют собой названия соответствующих народов (т.е. «среди мисийцев, фригийцев, ассирийцев (или финикийцев)»), согласно Дж. Хоукинсу (Ibid.). Последнее объяснение представляется более вероятным, поскольку выражение «слышать на каком-либо языке», звучит довольно странно, особенно учитывая то обстоятельство, что в тексте речь идет об имени правителя (Иарири), которое *strictu sensu* должно звучать примерно одинаково на всех языках.

осмысленное сочетание «царь т(а)р(а)вейский»³⁶. Сочетание субстантива «царь» с прилагательным, образованным от названия страны «этническим» суффиксом -izza-, не представляет чего-то необычного, и существует ряд хорошо засвидетельствованных параллелей. Кроме уже упомянутого выше REX-ti-sa |ma-su-wa/i+ra/i-za-sa(URBS) можно указать на (*349)ta-la/i/u-pa-ti-za-sa(URBS) REX-ti-i-sa (KARKAMIŠ A24a2+3 § 13) – «талпате́йский царь» и |wa/i-ala/i-sà-ti-ni-za-sa(REGIO) (8) «REX-ti»-sa (MEHARDE § 2) – «валас(а)тинский царь».

Предложенная интерпретация ведет к обнаружению в тексте крайне интересной конструкции. Очевидно, что необходимость постановки послелога PRAE непосредственно после существительного REX «царь» явилась не единственной причиной разделения сочетания REX tara/i-wa/i-za/i-(REGIO). Структура текста более сложна и интересна, приближаясь к структуре поэтического текста. Насколько можно судить, tara/i-wa/i-za/i-(REGIO) выполняет двойную функцию, являясь своеобразным «мостом», соединяющим два предложения (§ 1 и 2). С одной стороны, выступая в качестве прилагательного, оно находится в семантическом согласовании с REX «царь», стоящим, по-видимому, в dat. с послелогом PRAE; с другой стороны, грамматически оно выступает в качестве субъекта § 2 и функционирует, таким образом, как субстантив: «...перед царем Маци-Кархухой, когда (он), Т(а)р(а)веец, (в) горы Ливана...»³⁷. Таким образом, деление на параграфы, введенное Дж. Хоукинсом, оказывается довольно условным.

Общая логическая структура текста первых двух параграфов представляется теперь вполне ясной и непротиворечивой: «Эту чашу Асмайя, правитель области... перед Маци-Кархухой, царем, когда (он), Т(а)р(а)веец, (в) горы Ливана...». Установление этой структуры позволяет перейти к рассмотрению остающихся не совсем ясными элементов текста – глаголов.

VIII.

Интерпретация Дж. Хоукинсом глагола, который, с учетом изложенного выше, может быть передан в транслитерации в виде (VIR₂.*273)i(a)-sa₅-za/i-tà, предложенная им лишь на основании предполагаемого семантического параллелизма с текстом на другой известной чаше с надписью (KASTAMONU) как «посвятил(?) для себя»³⁸, выглядит не очень убедительно. По наблюдению самого Д. Хоукинса, как на чаше KASTAMONU, так и на каменной чаше BABYLON 3 используется

³⁶ Справедливости ради нужно отметить, что Ф. Джусфреди уже выдвигал на общих основаниях предположение, что Маци-Кархуха может являться царем страны tara/i-wa/i-za/i-(REGIO). Согласно его построениям, Тудхалия после завоевания этой страны поставил царем над ней Маци-Кахуху, которому как верному вассалу он отправляет в дар чашу.

³⁷ Строго говоря, референтом tara/i-wa/i-za/i-(REGIO) могло бы быть и REGIO.DOMINUS. Однако такая интерпретация представляется менее вероятной по нескольким причинам. Во-первых, этот субстантив стоит слишком далеко от прилагательного tara/i-wa/i-za/i-(REGIO); если бы имелось в виду сочетание REGIO.DOMINUS tara/i-wa/i-za/i-(REGIO), можно было бы ожидать отсутствие транспозиции REX *ma-za/i-kara/i-hu-ha* REX PRAE-na в положении после глагола, т.е. чтобы Асмайя REGIO.DOMINUS оказывался в непосредственной близости от tara/i-wa/i-za/i-(REGIO). Во-вторых, ссылка на более широкую область правления царя выглядит более релевантной в тексте, определяя одновременно и политическую принадлежность Асмайи, вероятно, вассала Маци-Кархухи. Наконец, следовало бы ожидать, что в датировочной формуле будет использована ссылка на более значимое деяние царя.

³⁸ Hawkins 2005, 196.

другой глагол – (PRAE-na) PONERE «ставить, помещать (перед)» и называется соответствующее имя божества, которому чаша посвящается. Поскольку в § 1 надписи на чаше из Анкары имя божества отсутствует и вместо этого называется имя царя, тексты обеих упомянутых чаш просто иррелевантны для интерпретации глагола (VIR₂. *273)*i(a)-sa₅-za/i-tà*, как уже отмечалось исследователями³⁹ (однако они могут оказаться полезны для интерпретации второго глагола надписи, см. ниже). С другой стороны, Дж. Хоукинс указывает на формальное сходство глагола (VIR₂. *273)*i(a)-sa₅-za/i-tà* (при условии, что он анализируется как содержащий итеративный суффикс *-za/i-*) с основой глагола *i(a)-sa₅-* «покупать», засвидетельствованного в клинописном лувийском, однако отбрасывает это сопоставление как семантически противоречивое. Действительно, картина, возникающая на основании такой интерпретации: «эту чашу Асмайа... купил у царя Маци-Кархухи»⁴⁰, выглядит довольно комично. Даже для Сирии периода темных веков трудно себе представить, что цари были настолько бедны, что опускались до продажи дворцового имущества!

Ж. Шимон в уже обсуждавшейся выше статье, со ссылкой на В. Саллабергера, предлагает иную модель общей интерпретации надписи на чаше⁴¹, которая, даже несмотря на исчезновение из текста имени Тудхалии, представляется и теперь вполне функциональной. Интерпретация чаши как дара царя своему вассалу, с надписью, увековечивающей событие, по поводу которого она была преподнесена, выглядит более логично, чем раньше, прекрасно согласуясь с упоминанием только двух фигур в тексте, занимающих две разные ступени социальной иерархии. Исходя из такой интерпретации, значение глагола (VIR₂. *273)*i(a)-sa₅-za/i-tà* нужно искать где-то в семантической области от «стяжать, получать в качестве награды» до «удостаиваться» или «быть одаренным». В свете такой предположительной семантики глагола можно предложить несколько иное его прочтение, что, несмотря на отдельные формальные проблемы, позволяет сопоставить его с глагольной основой, значение которой практически идеально вписывается в контекст надписи.

Наиболее очевидной последовательностью чтения трех знаков, следующих за идеограммой *273, действительно является *i(a)-sa₅-za/i*, как глагол и был первоначально прочитан. Все же это не единственная возможность. Чтение в последовательности *i(a)-za/i-sa₅* также возможно, а кажущийся обратный порядок написания знаков *za/i* и *sa₅* может быть объяснен желанием писца разместить три знака – два низких (*i(a)* и *sa₅*) и один высокий (*za/i*) – таким образом, чтобы они образовывали компактный прямоугольник. Подобные незначительные перестановки или смещения знаков, проистекающие из стремления писцов более гармонично организовать текст в графическом плане, – довольно частое явление в лувийских иероглифических текстах.

Такой порядок чтения знаков дает возможность сопоставить (VIR₂. *273)*i(a)-za/i-sa₅-tà* с хорошо засвидетельствованным в корпусе иероглифических лувийских текстов глаголом *izis(a)ta-* «почитать, оказывать честь». Глагол этот обычно встречается в культовых контекстах в значении «почитать (божество)», однако он имеет и вполне светский узус. Наиболее близкими к контексту надписи на чаше представляются два следующих пассажа:

³⁹ Simon 2009, 249.

⁴⁰ Поддерживаемой И. Якубовичем в обсуждении данного пассажа текста, см. Yakubovich 2008, 14 f.

⁴¹ Simon 2009, 249 f.

1. KULULU 4 § 12: a-wa/i OMNIS-mi sa-na-wa/i-sa₈ CUM-ní i-zi-i-sa-ta-ha – «Со (всей возможной) добротой я оказывал всем им честь». Здесь продолжается мысль, выраженная в предшествующем предложении: «я был для всех отцом» (§ 11: OMNIS-ma-si-sa₄-ha-wa/i-mi tá-ti-sa₄ á-sa₈-ha). Примечательно, что утверждение в § 12 составляет определенный контраст с заявлением в § 10 «я потакал (во всем) моим властителям» (|wa/i-ta á-mi-zi-i DOMINUS-ni-zi |wa/i-su u-sa₄-nú-wa/i-ha) и, таким образом, служит для выражения позитивного отношения к подданным.

2. KARKAMIŠ A6: § 14 |a-wa/i |REL-i-zi | («*314»)ka-tú-na-sa § 15 i-zi-i-sa-ta+ra/i-wa/i-ma-za |zi-la | («*314»)ka-tú-ni-zi |(MANUS)i-sà-tara/i-i («PONERE»)tú-wa/i-há § 16 REL-zi-pa-wa/i-ma-za' | («LIGNUM»)tara/i-pu-na-sá § 17 |i-zi-i-sa-ta+ra/i-wa/i-ma-za |zi-la | («LIGNUM»)tara/i-pu-na-zi-i |(MANUS)i-sà-tara/i-i «PONERE»-wa/i-ha' – «(Тем,) которые связаны с *katuni*-, с почестями (букв.: с почестью) я вложил здесь *katuni*- в их длани; тем, которые связаны с *tarpuni*-, с почестями (букв.: с почестью) я вложил здесь *tarpuni*- в их длани». Интерпретация структуры этого пассажа, из которой следует, что *i-zi-i-sa-ta+ra/i* надо понимать как субстантив в косвенном падеже, предложенная Дж. Хоукинсом и А. Морпурго-Дэвис⁴², представляется мне вполне оправданной. Морфологически *i-zi-i-sa-ta+ra/i* можно интерпретировать как abl. sg. от /izis(a)ta-/, т.е. *izis(a)tadi* с ротацизмом. Субстантив /izis(a)ta-/ представляет собой либо именной дериват от глагольной основы *izis(a)t-* с суффиксом -a-, либо же содержит суффикс -tta-, присоединенный непосредственно (атематически) к основе глагола: *izis(a)t-+tta- > /izis(a)ta-/⁴³. На основании контекста значение /izis(a)ta-/ вполне естественно определяется как «честь, почести». Общий контекст пассажа довольно близок к KULULU 4 § 12, и в нем, по-видимому, описывается, каких почестей удостоились братья Камани. К сожалению, значения *katuni*- и *tarpuni*- остаются неясными.*

Как глагол, описывающий выражение благосклонности и оказания почестей, /izis(a)t(a)-/ оказывается более чем уместным в контексте надписи на чаше из Анкары. Однако такая интерпретация порождает дополнительную проблему: последний знак <tà> невозможно интерпретировать как окончание, поскольку /-t(a)/ принадлежит к основе глагола. Можно предложить два альтернативных объяснения формы (VIR₂. *273) *i(a)-za/i-sa₅-tà*. Прежде всего нужно отметить, что глагол *izis(a)t(a)-* принадлежит к классу глаголов, которые в 3 sg. имеют окончание -i⁴⁴. На основании контекста и присутствия рефлексивной частицы -ti в цепочке частиц в начале § 1 можно заключить, что глагол должен иметь медиальное значение (безотносительно к тому, какую реальную грамматическую форму он имеет) и стоять в прошедшем времени, т.е. «Асмайа был награжден/снискал награду для себя». Поскольку знания о лувийской глагольной морфологии очень неполны, то остается только гадать, каким образом должна была быть выражена соответствующая грамматическая форма глаголов того класса, к которому принадлежит *izis(a)t(a)-*⁴⁵. Можно лишь предположить, что, как и в презенсе, окончание глагола содержало только гласный. Учитывая тот факт, что в надписи на чаше наблюдаются такие достаточно архаичные черты, как отсутствие различия огласовок знаков <i(a)> и <za/i> (в более поздних текстах пары <i> и <ia>, <za> и <zi> различаются графически) и необозначение окончаний у существительных, можно предполагать,

⁴² Hawkins, Morpurgo-Davies 1986, 79 f.

⁴³ Hawkins, Morpurgo-Davies 1986, 80. Ср. Melchert et al. 2003, 196.

⁴⁴ Hawkins, Morpurgo-Davies 1986, 79.

⁴⁵ Melchert et al. 2003, 192.

что гипотетическое вокалическое окончание *izis(a)t(a)*-просто не было отмечено в графике. Однако в таком случае еще одну проблему представляет грамматическая форма CAELUM-*pī*. Даже если можно допустить, что некоторые глаголы в медиальной форме могли принимать прямой объект в асс., контекст § 1 и значение глагола *izis(a)t(a)*- требуют скорее косвенного падежа для CAELUM-*pī*, а именно abl.-instr. на /-(a)di/, т.е. формы *CAELUM-*pī-ti*: «Асмайа был почтен (почтил себя) чашей». Таким образом, интерпретация (VIR₂. *273)*i(a)-za/i-sa₅-tā* как глагола в личной форме наталкивается на определенные трудности, сопряженные прежде всего с недостаточным знанием о формах и управлении глаголов в косвенных залогах в лувийском. Отмеченная интерпретация остается теоретической возможностью. Однако можно дать и иное объяснение синтаксическим отношениям в § 1, не прибегая к умозрительным размышлениям о глагольной морфологии.

Интерпретация формы имени **a-sa-ma-i(a)* как ном. вовсе не самоочевидна. Это может быть и dat. Более того, такая интерпретация кажется даже более уместной. Как уже упоминалось, сходное имя Asmiya, являющееся, насколько можно судить, гипокористиком от какого-то имени на asmi(ya)-, как, например, Asmi-Sarruma, обнаруживается в одном из текстов из области Эмара⁴⁶. Непонятно, что за вариант имени Asmiya может представлять Asmaya. Остальные засвидетельствованные варианты этого имени двусложны: Asmi, как в имени Asmi-Sarruma (HLuw. a-sa-mi-SARMA на печати)⁴⁷, – регулярной контрагированной форме от Asmiya, и Asmu, также засвидетельствованное в качестве первого компонента имен собственных, например, Asmu-Hapa (A-sa-mu-ha-pa на печати)⁴⁸. Форма *Asma, хотя и не засвидетельствованная непосредственно, также вполне вероятна – как альтернативный вариант контракции Asmiya. Форма Asmaya в сопоставлении с Asmiya выглядит необычно. С морфологической точки зрения ее интерпретация как dat. от Asma выглядит убедительней.

Это предположение влечет за собой необходимость пересмотра грамматической функции лексемы CAELUM-*pī*, ранее интерпретируемой как прямой объект. Если исключить вариант безличной конструкции, то наиболее вероятной представляется интерпретация CAELUM-*pī* как субъекта предложения. Далее существуют две возможности: либо рассматривать форму (VIR₂. *273)*i(a)-za/i-sa₅-tā* как пассив («т.е. эта чаша была дана Асме»), обоснование чего снова наталкивается на те же самые сложности, что и предположение о медиальной форме, либо видеть в § 1 именное предложение и интерпретировать (VIR₂. *273)*i(a)-za/i-sa₅-tā* как существительное, выступающее в роли именного сказуемого. В таком случае (VIR₂. *273)*i(a)-za/i-sa₅-tā* представляет собой, по-видимому, тот же именной дериват, который, как отмечалось выше, засвидетельствован в KARKAMIŠ A6: § 15, 17 в значении «честь, почести». В данном случае *izis(a)ta*- имеет, очевидно, более конкретное значение «то, чем чтят» > «почетный дар». В результате § 1 получает вполне правдоподобную интерпретацию: «Эта чаша – почетный дар Асме».

Однако при интерпретации CAELUM-*pī* как субъекта предложения возникает и непредвиденная сложность, требующая объяснения, а именно присутствие рефлексивной частицы *-ti*, относящейся, естественно, в любом случае к Асме, а не к чаше, вместо формально ожидаемой нерефлексивной *-tu* (dat.). Вероятно,

⁴⁶ Mora 2007, 518, с литературой.

⁴⁷ Herbordt 2005. Kat. 75.

⁴⁸ Herbordt 2005. Kat. 11. Вероятно, к этому же типу принадлежит имя хеттской царицы Асмуниkkal.

появление этой частицы можно объяснить тем, что текст отражает точку зрения Асмы, мыслящего себя в качестве логического субъекта предложения, независимо от реальных синтаксических отношений в нем (т.е. «эта чаша – почетный дар себе, Асме». Возможно также, что *-ti* является реликтом медиального значения глагола *izis(a)ta-*, противопоставленного его активному значению, т.е. указывает на «почетный дар» как на «честь, оказанную себе», а не как на «честь, оказанную другому».

IX.

Единственным неясным моментом, касающимся глагола (VIR₂.*273)*i(a)-za/i-sa₅-tā*, остается присутствие перед собственно фонетической частью глагола двух знаков: детерминатива или показателя начала слова VIR₂ и идеограммы *273. Ни в одном другом случае данный глагол не засвидетельствован с этой или иной идеограммой. Однако прежде чем попытаться объяснить связь глагола с этой идеограммой, обратимся к проблеме присутствия знака VIR₂ перед ней.

Как уже отмечалось выше, в ранних текстах VIR₂ играет роль определенного детерминатива, указывающего на связь следующего за ним понятия со сферой «человек/мужчина», т.е. ставится перед различными словами, обозначающими людей, такими, как «правитель», «отцы и праотцы» и т.п. В поздних текстах функция VIR₂ обобщается, и знак играет роль индикатора начала слова. Хотя надпись на чаше и принадлежит, по-видимому, к постимперскому периоду, однако внутри этого периода она отражает очень раннюю писцовую традицию, судя прежде всего по тому, что в надписи еще не различаются знаки <ia/i> и <za/zi>. Ввиду этого интерпретация VIR₂ в качестве обычного показателя начала слова вряд ли возможна, против чего свидетельствует также необычно крупный размер знака и его положение перед идеограммой, а не над ней. Однако *i(a)-za/i-sa₅-tā*, со всей очевидностью, также не может являться обозначением человека.

Все же присутствие VIR₂ в написании этой лексемы можно объяснить. Как было замечено выше, анализ употреблений и функции этого знака в ранних текстах, данный Дж. Хоукинсом в его недавней статье⁴⁹, не полон. В частности, Дж. Хоукинс совершенно игнорирует одну из достаточно важных групп свидетельств употребления знака VIR₂, упоминая ее мимоходом как «unclear and uncertain»⁵⁰. Речь идет о его появлении перед идеограммой *273, засвидетельствованном по крайней мере в двух важных текстах имперского периода: YALBURT и KÖYLÜTOLU YAYLA и, возможно, также в EMİRGAZİ Block. По иронии судьбы, в надписи YALBURT, которая исследована относительно неплохо⁵¹, два случая сочетания VIR₂.*273 не были распознаны, а издания KÖYLÜTOLU YAYLA и EMİRGAZİ Block⁵² оставляют желать лучшего даже в интерпретации более ясных вещей (хотя, справедливости ради, нужно отметить, что в прорисовке первого из них сочетание VIR₂.*273 передано правильно).

Не вдаваясь в подробности интерпретации всех соответствующих пассажей, следует остановиться только на одном из двух случаев появления сочетания VIR₂.*273 в YALBURT (Block 12 § 1): VIR₂.*273 DARE. Это выражение, представляющее собой, очевидно, лишь вторую часть более длинного предложения, вызывает в па-

⁴⁹ Hawkins 2010.

⁵⁰ Hawkins 2010, 4.

⁵¹ Два важнейших обсуждения надписи: Poetto 1993 и Hawkins 1995, 66 ff. (Appendix 1).

⁵² Masson 1979, 1980.

мяти пассаж из достаточно раннего постимперского текста KARKAMIŠ A4b (§ 4): 'MAGNUS.TONITRUS REX FORTIS (DEUS)TONITRUS (DEUS)ku+AVIS VIR₂. FORTIS *273 DARE – «Ура-Тархунту, могучему царю, бог Грозы и Кубаба даровали могучую силу». Насколько можно судить, сочетание в VIR₂.*273 в YALBURT является очень близкой параллелью VIR₂.FORTIS *273. Не исключено даже, что VIR₂.FORTIS *273 – просто альтернативное написание VIR₂.*273 (т.е. последовательность передает одно понятие VIR₂.FORTIS.*273), поскольку оба знака FORTIS и *273 в качестве идеограмм/логограмм практически идентичны и часто взаимозаменяемы. Так, например, и FORTIS, и *273 появляются перед основной *muwa* «быть сильным». Излишне говорить, что интерпретация пассажа YALBURT: ... VIR₂.*273 DARE «(такой-то бог) даровал мощь»⁵³ выглядит более чем уместной и в рамках всей надписи, посвященной в целом военной кампании Тудхалии IV в западных областях Анатолии, и в контексте следующего за этим описания покорения ликийского города Пинале (Block 12, § 2 – Block 13, § 2). Ввиду такого значения идеограммы *273 (подтверждаемой и многими другими свидетельствами) можно дать вполне логичное объяснение написанию знака VIR₂ перед ней: очевидно, знак указывает здесь не на сферу «людей» в целом, а на более специфичную семантическую сферу «мужей» и соответственно «мужественности». Наиболее близкий случай употребления VIR₂ в поздних текстах – появление этого знака перед HEROS «герой» в ALEPPO 6⁵⁴.

Если сочетание знаков VIR₂.*273 получает вполне логичное объяснение, то дать строгое обоснование появлению идеограммы *273 перед основной *i(a)-za/i-sa₅-tā* «оказывать почести» несколько сложнее. Ясно, что в основе своей общая идея глагола «почитать, чтить, оказывать почести» весьма далека от семантической сферы «людей» и «мужей», хотя, конечно, определенные точки соприкосновения можно найти. Однако в контексте надписи на чаше эти две сферы оказываются гораздо ближе. Выше уже говорилось, что чаша могла быть «даром», полученным Асмаей в какой-то связи с походом Маци-Кархухи в Ливан. Скорее всего, это был именно военный поход (ср. ниже, в заключении филологической части). Если так, то есть все основания видеть в чаше именно «трофей». В значении «трофей», т.е. «предмет, полученный за мужество/силу, проявленную в войне», *i(a)-za/i-sa₅-tā* вполне вписывается в семантическую сферу, обозначаемую через VIR₂.*273. В таком случае мы, по-видимому, имеем дело с употреблением идеограммы VIR₂.*273 *ad hoc*, а именно для того, чтобы сделать более ясным, какого рода «почетный дар» представляет собой чаша.

Х.

Относительно интерпретации глагола *izi(va)*- в последнем параграфе надписи тоже есть определенные сомнения. Дж. Хоукинс интерпретирует его как «это в тот год он сделал» («it in that year he made»), что выглядит, на первый взгляд, вполне правдоподобно. Однако как далее явствует из его обсуждения возможного чтения лексемы для «чаши»⁵⁵, энклитическое местоимение -*na* относится им к «чаше» (в переводе – «it»). То есть, по мнению Дж. Хоукинса, последний параграф

⁵³ Как наиболее вероятное восстановление первой части пассажа можно предложить: **a-wa/i-mu* (DEUS)TONITRUS (DOMINUS.*na*) «бог Гроза (,мой господин,) мне...». В виду этого не исключено, что блоку 12 предшествовал блок 2, содержащий текст, заканчивающийся словами: **a-wa/i-mu* (DEUS)TONITRUS.

⁵⁴ Hawkins 2010, 4.

⁵⁵ Hawkins 2005, 196.

(вместе с предшествующим ему, содержащим REL+ta/i «когда») указывает на «дату изготовления» чаши. В этом, собственно, не было бы ничего необычного, если бы в надписи фигурировало имя мастера, изготовившего чашу. Однако видеть изготовителя чаши в Асме, «правителе области», или в царе Маци-Кархухе довольно странно. Кроме того, грамматический род «чаши» остается не ясен, и есть определенные сомнения, что это общий род. Имеется несколько возможностей объяснить эту несообразность.

В связи с реинтерпретацией (VIR₂. *273) *i(a)-za/i-sa₃-tà* как существительного возникает альтернатива референту энклитики -на. Ничего, как будто, не свидетельствует против того, что это субстантив общего рода. Если энклитику -на относить к «почетному дару», то § 3 получает достаточно приемлемую интерпретацию: «(почетный дар/почесть)... в тот год он сделал/оказал». Такая интерпретация вероятна, но все же является не единственно возможной, и, по моему мнению, не лучшей, поскольку имеются определенные сомнения в том, что глагол *i(a)-za/i-* действительно используется в своем основном значении «делать».

Дело в том, что этот глагол засвидетельствован в надписи и на каменной чаше из Вавилона (BABYLON 2), которая может представлять собой весьма близкую параллель надписи на чаше из Анкары. Начало надписи на чаше из Вавилона выглядит следующим образом: |za-ia-wa/i («SCALPRUM»)ka-ti-na SERVUS-alá/i-a-sa LITUUS+CAELUM-na (DEUS)TONITRUS-ti-i i-zi-i-tà, что можно интерпретировать как: «Эти каменные чаши Хударла⁵⁶ небесному богу Грозы посвятил». Интерпретация глагола *i-zi-i-* не в значении «делать», но в значении «посвящать» подсказывается как контекстом самой надписи, содержащей имя божества, так и очевидной параллелью на второй чаше из Вавилона (BABYLON 3), содержащей текст: za-ia-wa/i-a («SCALPRUM»)ka-ti-na CERVUS₂-ti-ia-sa TONITRUS.HALPA-ra-ni (DEUS)TONITRUS-hu-ti PRAE-na [PON]ERE-wa/i-ta – «Эти каменные чаши K(y)рунтия халебскому богу Грозе посвятил». Глагол PRAE-na PONERE-wa/i- (фонетически /pariyan tuwa-/, букв. «помещать перед») надежно засвидетельствован именно в значении «посвящать (божеству)». Глагол *izi(ya)-* представлен и в недавно обнаруженной иероглифической лувийской надписи на конском налобнике, найденном в начале XX в. в Милете в храме Афины⁵⁷. Место его обнаружения недвусмысленно свидетельствует, что этот предмет был посвящением божеству, хотя, насколько можно судить, имя божества в самой надписи не фигурирует. Наконец, контексты некоторых других надписей лувийского корпуса также говорят скорее в пользу интерпретации *izi(ya)-* как «посвящать». Например, пассаж из MARAŞ 3 (§ 4): á-mu-[p]a-wa/i-na («[STA]TUA»)ta-ru-sá i-zi-ia-ha в виду упомина-

⁵⁶ Следует, по-видимому, согласиться с интерпретацией SERVUS-alá/i-a-sa как имени собственного, предложенной уже Т. Боссертом и принимаемой Дж. Хоукинсом (Hawkins 2000, 395). Отсюда передача его как Hudarla, соответствующая предположительному чтению лексемы «слуга/раб» в лувийском (Rieken, Yakubovich 2010, 205 f.). Такое имя действительно отмечается в Староассирийский период наряду с еще одним именем, образованным от той же основы: Hudarlani (ср. Ibid., 205). Сам факт появления SERVUS-alá/i-a- в качестве имени собственного, с одной стороны, и наличие имени Hudarla в клинописном корпусе, с другой, является еще одним подтверждением правильности чтения SERVUS-alá/i-a- как /hudarla-/.

⁵⁷ Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность Александру Херде (Alexander Herda), который поставил меня в известность относительно существования этой надписи. В данное время им готовится публикация надписи (совместно с Дж. Хоукинсом).

ния в предыдущем предложении Бога-Грозы⁵⁸ можно интерпретировать скорее как «эту статую я посвятил».

Такая спецификация значения *izi(ya)-* в качестве термина культа не выглядит удивительной. В хеттском глагол *iya-*, соответствующий лувийскому *izi(ya)-*, достаточно многозначен и имеет в том числе довольно специфические значения, связанные с культом: «исполнять (ритуал)», «читать (культовым действием божество)»⁵⁹. Подобные значения можно было бы предполагать и для лувийского.

Таким образом, хотя имя божества и не упомянуто в тексте надписи из Анкары, не исключено все же, что последний параграф сообщает именно о посвящении чаши в какой-то храм. Такая интерпретация глагола *izi(ya)-* и последнего параграфа надписи вовсе не противоречит обсуждавшейся выше интерпретации чаши как дара царя вассалу. Как хорошо засвидетельствовано греческой традицией, в храмы посвящались часто именно вещи, имеющие для посвятителя особую эмоциональную значимость, такие, как призы, полученные за победу в атлетических играх или же трофеи, добытые в битвах. Насколько можно судить, чаша из Анкары принадлежала именно к такой категории предметов.

XI.

В заключение этой части, посвященной филологическому анализу надписи, нужно сказать несколько слов об интерпретации глагола *hu-la-i(a)-tá* в § 2. Его интерпретация в качестве термина, описывающего военные действия, предложенная Дж. Хоукинсом («smite»), выглядит достаточно убедительно: ссылка на какие-либо военные действия в контексте датировочной формулы вполне уместна и имеет многочисленные параллели. В таком случае (MONS)LABARNA+la «горы Ливана» следует понимать не в узкогеографическом смысле, а в политическом, т.е. «страну гор Ливана». С другой стороны, все же нельзя совершенно исключить другие, более «мирные», интерпретации глагола *hu-la-i(a)-tá*. Так, например, горы Ливана были известны как источник кедра, и глагол может описывать просто «поход» в горы за деревом. Другой целью такого «похода» могла быть охота – горы часто выступают в хеттских текстах именно как место обитания диких зверей и место охоты царей. Впрочем, обе отмеченные интерпретации остаются лишь гипотезами.

XII.

Наконец, после проведенного эпиграфического и филологического анализа надписи можно обратиться к ее исторической интерпретации. Предполагаемая эпиграфическими особенностями надписи датировка XII–XI вв. до н.э. определяет ее как памятник наиболее темного периода в истории южноанатолийского и сирийского регионов – периода между дезинтеграцией Хеттской империи и временем относительно хорошо отраженного в источниках существования позднихеттских городов-государств. Что касается региона, о котором может идти речь в надписи, то, как уже неоднократно подчеркивалось выше, можно говорить только о сирийском или южноанатолийском регионах, имеющих значительную долю хурритского населения. Идентификация в тексте «гор Ливана» или «страны гор Ливана» вполне

⁵⁸ § 2: [(DEUS)]TONITRUS-hu-[z]a-sá-[p]a-wa/i-mu AUDIRE+MI-<ta?> (последний знак может быть также I) «бог Грозы услышал меня» или «бог Грозы, услышь меня!». Ср. § 3 текста на чаше из Вавилона (BABYLON 2): |wa/i-mu AUDIRE-ti-ta «Он (scil. бог Грозы) услышал меня» (или же это неизвестная в лувийском форма оптатива: «Да услышит меня бог Грозы?»).

⁵⁹ Puhvel 1984 s.v.

согласуется с этим предположением. Однако «страна гор Ливана» является лишь целью царя Маци-Кархухи, которая может лежать ближе или дальше от его собственных владений. Основной же проблемой исторической интерпретации надписи остается идентификация и локализация страны *tara/i-wa/i*-(REGIO), царем которой был Маци-Кархуха.

К. Мора осторожно преположила сопоставить это название с некими «отрядами TAR-yu», упоминаемыми в нескольких текстах из Эмара⁶⁰. Однако поскольку эти отряды остаются совершенной загадкой, предложенное сопоставление выглядит просто объяснением *obscurum per obscurum* и вряд ли может привести к уточнению локализации страны Т(а)р(а)ва, даже оставляя в стороне вопрос о уместности сравнения фонетических форм этих двух названий. В действительности, как ни коротка надпись, все же обрывки исторической информации, которые в ней можно распознать, свидетельствуют скорее о том, что страна Т(а)р(а)ва была достаточно значительным политическим образованием: ее правителем был царь (REX), которому подчинялось несколько «правителей областей» (REGIO.DOMINUS). Более того, титул «правитель области» обозначает правителя довольно значительной территории (REGIO), очевидным образом превосходящей территорию обычного города с окрестностями (URBS). В свете этого, вряд ли будет уместным искать соответствие названию страны Т(а)р(а)ва среди названий городов и деревень, засвидетельствованных в сирийских текстах периода поздней бронзы. Среди обозначений локальных государств, засвидетельствованных в иероглифических памятниках Сирии периода раннего железа, топонимы, сопоставимые с Т(а)р(а)ва, отсутствуют. Можно было бы предположить, что страна Т(а)р(а)ва представляла собой одно из недолговечных политических образований, возникших в период, непосредственно следовавший за дезинтеграцией Хеттской империи, и затем было поглощено одним из более значительных царств сирийского региона, скажем, Каркемишем или Хамой. Однако в виду предполагаемой значительности территории царства Т(а)р(а)ва полнейшее отсутствие сопоставимых названий в сирийской топонимии, достаточно хорошо освещенной позднихеттскими иероглифическими памятниками и дополненной свидетельствами новоассирийских текстов, все же озадачивает. Такая ситуация порождает мысль, что, возможно, решение стоит поискать в несколько иной плоскости и предположить, что форма *tara/i-wa/i* – лишь некий фонетический инвариант другого названия. Такой поиск оказывается действительно небесполезен и приводит к хотя и далеко неоднозначному, но все же вполне удовлетворительному решению.

Феномен чередования г/п в лувийском не был широко распространенным явлением, но подтверждается несколькими бесспорными примерами. Так, ссылаясь только на наиболее яркие и однозначные примеры, можно привести следующие свидетельства: форма *maruha* в SULTANHAN § 36 соответствует засвидетельствованному в других текстах *manuha*; обычное лувийское местоимение *tanima*- «весь, всякий» появляется в форме *tarima*- в AKSARAY § 5; лексема, обозначающая «сам, душа, изображение», представлена в текстах то как *atri*- (VAS-*tara/i*-), то как *(a) tni*-⁶¹. Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что тот же самый феномен может обнаруживаться и в форме *tara/i-wa/i*-, и исходная форма этого названия могла звучать как /t(a)n(a)wa/ или /d(a)n(a)wa/, поскольку дентальные глухие и звонкие обычно не различались в лувийской иероглифике.

⁶⁰ Mora 2007, 519. Cp. Durand, Marti 2003, 158.

⁶¹ Cp. Melchert et al. 2003, 180.

Такая форма названия может быть непосредственно ассоциирована с названием Adanawa, известного прежде всего из двуязычной надписи KARATEPE (в написании á-TANA-wa/i-(URBS)). Отсутствие начального /a/ в форме /t(a)n(a)wa/ не представляет серьезной проблемы, поскольку легко может быть объяснено афerezой (отпадением начальной гласной), надежно засвидетельствованной как раз для региона Киликии⁶², где и локализуется Adanawa (будучи лувийской формой современного названия Адана). Более того, форма названия Adanawa без начального /a/ отмечена в еще одном лувийском тексте: название города ta-NEG(URBS) /Tanawa/ в SÜDBURG § 16 было интерпретировано Дж. Хоукинсом именно как лувийская форма хеттского Adaniya⁶³. Что касается политической значимости Аданавы, то, хотя она и выступает в надписях как название города, совершенно ясно, что город этот был центром достаточного большого соименного ей царства, охватывающего в некоторые периоды, возможно, большую часть равнинной Киликии. Достаточно будет сослаться на титул Аварику, чьим вассалом был Ацативада, автор надписи KARATEPE: «царь Аданавы» (á-TANA-wa/i-ní-i-sá(URBS) REX-ti-sá, KARATEPE, § 2). Иначе говоря, значимость царства Аданавы вполне соответствует предполагаемой значимости *tara/i-wa/i-(REGIO)* в надписи на чаше из Анкары.

Предложенное сопоставление позволяет считать надпись на чаше одним из ранних памятников киликийских царей, имеющим значительно более поздние параллели в текстах KARATEPE и ÇİNEKÖY, и определяет Маци-Кархуху как далекого предшественника Аварику, царя Аданавы, который, по-видимому, принадлежал уже иной династии правителей. Локализация царства Маци-Кархухи вопреки ожиданиям не в Сирии, а к северо-западу от нее, в Киликии, хотя и порождает одну сложность, представляется в общем плане вполне возможной, поскольку последняя входила в число регионов, находившихся под сильным культурным влиянием хурритов. Эта сложность заключается в имени царя: оно содержит, как уже упоминалось, имя божества, почитаемого в одном из сирийских центров, Каркемише. Это все же не является непреодолимым препятствием на пути идентификации Маци-Кархухи в качестве царя Киликии. Строго говоря, сложное имя, несущее в качестве одного из элементов имя божества, не указывает на происхождение носителя имени непосредственно из этого города: божество могло иметь, так сказать, филиалы культа в каких-либо городах региона, либо же быть «принесенным» в качестве личного божества. Достаточно указать на многочисленные имена, содержащие элемент Хальпа-, «город Халеп», один из важнейших сирийских культовых центров бога Грозы, обнаруженные в архивах Хаттусы, столицы хеттов. Если бы имя божества определяло происхождение носителя имени исключительно из города основного его культа, то нужно было бы автоматически предполагать происхождение Маци-Кархухи из Каркемиша, что, насколько

⁶² Так, имя правителя Аварику, известного из KARATEPE в форме á-wa/i+ra/i-ku- (KARATEPE § 2), встречается в другой надписи из Киликии (ÇİNEKÖY) в форме wa/i+ra/i-i-ka- (§ 1–2); название Ассирии засвидетельствовано в последней в форме su+ra/i- (в прилагательном su+ra/i-wa/i-ní- «ассирийский» (§ 6)) в отличие от a-sú+ra/i(URBS)- текстов из Сирии (KARKAMIŠ A24a2+3 § 6, 7 и KARKAMIŠ A15b § 19). В надписи ÇİNEKÖY присутствует также этникон hi-ia-wa/i- (§ 1, 3, 7), соответствующий á-TANA-wa/i- в параллельном пассаже в KARATEPE, который, согласно общему мнению, представляет собой аферетическую форму от названия Ahhiyawa, засвидетельствованного в хеттских текстах.

⁶³ Во всех деталях формы названия Adanawa и релевантность этой идентификации рассматриваются мною в исторической части уже упомянутой диссертации.

можно судить, не соответствует действительности. Культ Кархухи, «охраняющего божества», соотносимого с анатолийским К(у)рунтийей, вполне мог быть распространен, наряду с Сирией, и в Киликии. Вообще же хурритское имя царя, как уже отмечалось, вполне согласуется с предположением о его происхождении из Киликии.

Упоминание (MONS)LABARNA+la «(страны) гор Ливана» также хорошо согласуется с предположением о киликийском происхождении Маци-Кархухи, поскольку Ливан и Киликия принадлежат к одному историко-географическому региону. Нет ничего невозможного в том, что какой-нибудь из киликийских правителей совершал походы в регион Ливана. Какая конкретно страна имеется в виду под «страной гор Ливана» не совсем ясно: это может быть как часть Сирии, прилегающая к горам Ливана с восточной стороны, – такая локализация кажется более вероятной для («MONS»)la-pa+ra/i-na-wa/i-ni-sa FLUMEN.REGIO-tà-i-sà «речную страну горы Лабрана», упомянутой в НАМА 7 § 3 (см. выше), так и Финикия, которая обычно непосредственно ассоциировалась с горами Ливана. Учитывая то обстоятельство, что в отличие от автора текста НАМА 7 Ур(а)дами, царя Хамы, Маци-Кархуха рассматривал регион Ливана с точки зрения Киликии, более естественно видеть в «стране гор Ливана» именно Финикию. Можно даже предполагать, что поскольку и Киликия, и Финикия представляли собой две морские державы, то военный поход или взаимодействие иного типа, выраженное глаголом *hu-la-i(a)-tá*, скажем торговое, совершался морским путем.

Стоит отметить еще один интересный момент, вытекающий из предложенной интерпретации: после распада Хеттского государства и выхода Сирии и Киликии из сферы влияния хеттов в последней появляется династия царей с хурритскими именами, причем эти цари были достаточно могущественными, чтобы соперничать с Финикией. Это обстоятельство привносит небольшую, но важную черту в общую картину истории сиро-килийского региона начала железного века: влияние «народов моря», активных здесь в самом конце периода бронзы (конец – середина XIII в. до н.э.), на регион было, по-видимому, не столь уж значительным, и именно местные династии заполняют политический вакуум после распада империи.

Сказанным следует и ограничить собственно историческую интерпретацию надписи на чаше из Анкары, поскольку делать далеко идущие выводы на основании одного, довольно короткого текста – весьма сомнительное предприятие.

В заключение представляется уместным привести полностью новую транскрипцию и новый перевод всего текста надписи, вытекающие из анализа, предпринятого выше. Несмотря на отмеченную условность разделение текста на параграфы, введенное Дж. Хоукинсом, для удобства сохранено:

§ 1 za/i-wa/i-ti CAELUM-pi *a-sa-ma-i(a) REGIO.DOMINUS (VIR₂.*273)i(a)-za/i-sa₅-tà REX Ma-za/i-kara/i-hu-ha REX PRAE-na

§ 2 tara/i-wa/i-za/i-wa/i(REGIO) REL+ra/i (MONS)LABARNA+la hu-la-i(a)-tá

§ 3 *a-wa/i-na *a-pa-ti ANNUS-i(a) i(a)-za/i-tà

«§ 1 Эта чаша – почетный дар Асме, правителю области, перед Маци-Кархухой, царем.

§ 2 Когда (этот последний), даравеец, совершил поход в (страну) гор(ы) Ливана,

§ 3 в тот год он посвятил ее».

Литература

- Carruba O.* 2008: *Annali etei del Medio Regno* (Studia Mediterranea. 18). Pavia.
- Durand J.-M., Marti L.* 2003: *Chroniques du Moyen-Euphrate 2. Relecture de documents d'Ekalte*, Emar et Tuttul // RA. 97, 141–180.
- Durnford S.P.B.* 2010: How Old was the Ankara Silver Bowl when its Inscriptions were Added? // AS. 60, 51–70.
- Giusfredi F.* в печати: Further Considerations on the ANKARA SILVER BOWL // Time and History. *Proceedings of the 56th Rencontre assyriologique internationale. Barcelona, 2010* / L. Feliu, J. Llop, A. Millet, J. Sanmartín (eds.).
- Gonnet H.* 1968: Les montagnes d'Asie Mineure d'après les textes hittites // RHA. 26/83, 93–170.
- Hawkins J.D.* 1995: The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattusa. With an Archaeological Introduction by P. Neve (StBoT Beiheft. 3). Wiesbaden.
- Hawkins J.D.* 1997: A Hieroglyphic Luwian Inscription on a Silver Bowl in the Museum of the Anatolian Civilizations, Ankara // *Anadolu Medeniyetleri Müzesi, 1996 Yıllığı*. Ankara, 7–24.
- Hawkins J.D.* 2000: *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. I: Inscriptions of the Iron Age*. B.–N.Y.
- Hawkins J.D.* 2005: A Hieroglyphic Luwian Inscription on a Silver Bowl // *Studia Troica*. 15, 193–204.
- Hawkins J.D.* 2010: The Usage of the Hieroglyphic Luwian Sign «Crampon» (L. 386) // *Kadmos*. 49, 1–10.
- Hawkins J.D., Morpurgo-Davies A.* 1986: *Studies in Hieroglyphic Luwian* // Kaniššuar. A Tribute to Hans G. Güterbock on his Seventy-Fifth Birthday. May 27, 1983 / H.A. Hoffner, G.M. Beckman (eds.). Chicago, 69–81.
- Herbordt S.* 2005: Die Prinzen- und Beamtensiegel der hethitischen Grossreichszeit auf Tonbullien aus dem Nišantepe-Archiv in Hattusa – mit Kommentaren zu den Siegelinschriften und Hieroglyphen von J. David Hawkins (Boğazköy-Hattuša. 19). Mainz.
- Laroche E.* 1960: Les hiéroglyphes hittites. 1: L'écriture. P.
- Masson E.* 1979: Les inscriptions louvites hiéroglyphiques d'Emirgazi // JS. № 1. 3–52.
- Masson E.* 1980: Les inscriptions louvites hiéroglyphiques de Köylütöl et Beyköy // *Kadmos*. 19, 106–122.
- Melchert H.C.* 1993: *Cuneiform Luvian Lexicon* (Lexica Anatolica. 2). Chapel Hill.
- Melchert H.C. et al.* 2003: *The Luwians* (HdO. I/68). Leiden–Boston.
- Mora C.* 2007: Three Metal Bowls // *VITA. Festschrift in Honor of Belkıs Dinçol and Ali Dinçol* / M. Alparslan, M. Doğan Alparslan, H. Peker (eds.). İstanbul, 515–521.
- Poetto M.* 1993: L'iscrizione luvio-geroglifica di Yalburt. Nuove acquisizioni relative alla geografia dell'Anatolia sud-occidentale (Studia Mediterranea. 8). Pavia.
- Puhvel J.* 1984: *Hittite Etymological Dictionary*. I. B.–N.Y.
- Rieken E., Yakubovich I.* 2010: The New Values of Luwian Signs L 319 and L 172 // *Ipamati kistamati pari tumatimis. Luwian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of his 70th Birthday* / I. Singer (ed.). Tel Aviv, 199–219.
- Simon Zs.* 2009: Die ANKARA-Silberschale und das Ende des hethitischen Reiches // *ZA*. 99, 247–269.
- Starke F.* 1990: *Untersuchungen zur Stammbildung des keilschriftluwischen Nomens* (StBoT. 31). Wiesbaden.
- Starke F.* 1997: Troia im Kontext des historisch-politischen und sprachlichen Umfeldes Kleinasiens im 2. Jahrtausend // *Studia Troica*. 7, 447–487.
- Toker A.* 1992: *Museum of Anatolian Civilizations. Metal Vessels*. İstanbul.
- Yakubovich I.* 2008: Hittite-Luvian Bilingualism and the Origin of Anatolian Hieroglyphs // *Acta Linguistica Petropolitana*. 4, 9–36.

HIEROGLYPHIC LUWIAN INSCRIPTION ON THE ANKARA SILVER BOWL: AN ESSAY OF EPIGRAPHIC AND HISTORICAL REINTERPRETATION

R. N. Oreshko

The author proposes a new interpretation of the text on the bowl, which according to J.D. Hawkins' interpretation mentions a campaign of the Hittite king Tudhaliya I/II to Troy (Taru(w)isa). The main attention is paid to re-examination of the readings proposed by J.D. Hawkins. The first step in this direction was made by F.Giusfredi, who proposed an alternative reading of the sign sequence HATTI.REGIO: DOMINUS.REGIO designating a title «country lord», well-known from the later corpus. This reading stands in perfect correspondence with presumable Syrian background of the inscription and its rather late date. On the other hand, identification of tara/i-wa/i-za/i(REGIO) mentioned in the inscription as Taru(w)isa looks extremely doubtful and can hardly be used as a serious argument for an earlier date.

The main problem of the text remains the alleged presence in it of a certain Tudhaliya (MONS[+tu]) bearing the title of Labarna (LABARNA). Although the name Tudhaliya was borne by some of later rulers of the city of Karkamis, the title Labarna is not attested in late texts and presents a crux. However, the identification of «Tudhaliya» in the text is based only on a restoration: in fact, the sign TU following MONS is absent from the inscription. On the basis of a detailed examination of the corresponding part of the bowl, one can arguably assert that the sign TU was never present there and the sequence has to be read simply as (MONS)LABARNA. The latter can be identified as a name of a «mountain(-land)». Given the only known reading of the sign LABARNA, it can be compared directly with («MONS») la-pa+ra/i-na- attested in HAMA 7, which can be identified with Mount Lebanon.

If this is the case, reading and function of another geographic name of the text, read previously as tara/i-wa/i-za/i(REGIO), have to be revised. As it was demonstrated by F. Starke, the last sign represents rather not a part of the name, but the «ethnic» suffix -zza/i-. The name of the land proper is tara/i-wa/i(REGIO), and tara/i-wa/i-za/i is an adjective meaning «Tarawean». As such, it must have a referent in the text, which can be naturally seen in the noun REX, the title of Mazi-Karhuha. Thus, the tara/i-wa/i(REGIO) turns out to refer to the own country of the king, not the object of the campaign, which is, in this case, (MONS)LABARNA.

In addition to these major points, some other elements of the text need to be revised. In § 1 the sequence interpreted earlier as a verb can be read now as (VIR₂:*273)i(a)-za/i-sa₅-tà and reinterpreted as a noun meaning «honour-gift» (cf. Luw. /izis(a)ta/ «to honour»). Correspondingly, *A-sa-ma-i(a) is reinterpreted as dat. of Asma. Finally, a new interpretation of the meaning of the verb in § 3 (i(a)-za/i-) is proposed: «dedicate».

In conclusion, an attempt is made to give a new historical interpretation of the text and to propose an identification of tara/i-wa/i(REGIO). Given phonetic alternation r/n attested for Luwian, one can suppose that the form /Darawa/i/ is a phonetic invariant of /Danawa/i/. The latter can be regarded as an aphaeretic form of Adanawa, well attested elsewhere. If this is true, tara/i-wa/i(REGIO) can be localised in Cilicia, one of the most significant centres of which was Adanawa (modern Adana). The resulting translation of the text is:

§ 1. This bowl is the honour-gift for Asma, the country-lord, before Mazi-Karhuha, the king.

§ 2. When (the latter;) the Darawean, made a campaign to the Mountain(land) Lebanon,

§ 3. in that year he dedicated it.